

5. Theriot M.T. *The impact of school resource officers on students' feelings about school and school police* // *Crime & Delinquency*. - 2016. - Vol. 62(4). - P. 446-469.
6. Alimpiev A.A., Starkova V.V. *Innovacionnye podhody k rabote s molodezh'ju po snizheniju riskov potrebleniya psihoaktivnyh veshhestv i profilaktiki narkomanii: rezul'taty respublikanskogo onlajn-oprosa uchashhihsja shkol, kolledzhej i vuzov*. - Kostanaj: Kostanajskaja akademija MVD RK im. Sh. Kabyldaeva, 2025. - ISBN 978-601-384-409-1.
7. Hanov T.A., Bakishev K.A., Fetkulov A.H., Nurpeisova A.K. *Obshhaja harakteristika zakonodatel'nyh novell v sfere bor'by s nezakonnym oborotom narkotikov v Respublike Kazakhstan* // *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*. - 2017. - T. 11, № 3. - S. 623-632.
8. Soderstrom, M. F. P., & Shallenberger, A. N. (2026). 'It takes a special cop to be an SRO': school resource officers' perceptions of selection for the position. *Police Practice and Research*, 27(3), 488-505. <https://doi.org/10.1080/15614263.2025.2558139>.
9. Louise O'Connor, *Effective Collaborations between Police and Schools: Have lessons been learnt?*, *Policing: A Journal of Policy and Practice*, Volume 4, Issue 2, 2010, Pages 135-138, <https://doi.org/10.1093/police/pap051>.
10. Durante Filho E.A., Silva V.R. *Programas de policiamento escolar desenvolvidos pela policia norte-americana e a policia militar do Paraná: uma análise comparativa internacional* // *RECIMA21 - Revista Científica Multidisciplinar*. - 2023. - Vol. 4(3). - P. 1-18. DOI: 10.47820/recima21.v4i3.2893.
11. Nurgaliyeva A., Sametova F., Orynkhanova G., Kolyeva N., Vedilina Y., Sakenov J., Lyuft A. *On the Formation of Professional Competence of Future Social Pedagogues* // *International Journal of Advanced Research in Engineering and Technology (IJARET)*. - 2020. - Vol. 11(3). - P. 268-275.

МРНТИ 10.71.31

<https://doi.org/10.51889/2959-6181.2026.85.3.013>

УДК 347.9

О.Т. Турсунов¹ , Э.С. Куандыкова^{2*} , Д.А. Турсынкулова¹

¹Казахский национальный университет имени Аль-Фараби

²Университет NARXOZ

(e-mail: tursunovoralkhan@outlook.com, dynara.tursynkulova@kaznu.edu.kz, *elvirab8080@mail.ru)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ОТ ПРОЦЕДУРНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ К СИСТЕМНОЙ МОДЕЛИ ПРАВОСУДИЯ

Аннотация

В данной статье обоснована трансформация судебной системы Республики Казахстан в условиях цифровизации. Внимание авторов сконцентрировано на проблеме разграничения двух процессов: а) использовании цифровых технологий в судебных процессах, б) формирования цифрового правосудия как особой институциональной модели. Исследование подчинено цели обоснования критериев определения перехода от технологической модернизации судопроизводства к более глубокому преобразованию организации судебной деятельности. На основе формально-юридического, сравнительно-правового, институционального и системного методов, метода правового моделирования достигнуты результаты, позволяющие выделить такие ступени развития цифровой судебной среды как электронное сопровождение деятельности судов, цифровизированное судопроизводство и институционально зрелое цифровое правосудие. Соответственно предложены критерии, охватывающих доступность цифровых инструментов, равнозначность процессуальных возможностей, совместимость информационных систем, защиту судебных данных, прозрачность применяемых механизмов, инклюзивность и сохранение решающей роли судьи. Аргументируется вывод, что дальнейшая модернизация судебной

системы должна оцениваться по степени соответствия цифровых решений принципам независимости, состязательности и полноты судебной защиты, а не по формальному количеству внедрённых технологий.

Ключевые слова: цифровое правосудие, судебная система, электронное судопроизводство, институциональная трансформация, судебная власть, доступ к правосудию, цифровизация.

О.Т. Турсунов¹, Э.С. Қуандықова², Д.А. Турсынқұлова¹
¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
²NARXOZ университеті

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ СОТ ЖҮЙЕСІН ЦИФРЛЫҚ ТРАНСФОРМАЦИЯЛАУДЫҢ ИНСТИТУЦИОНАЛДЫҚ ПАРАМЕТРЛЕРІ: ПРОЦЕСТІК ЦИФРЛАНДЫРУДАН СОТ ТӨРЕЛІГІНІҢ МОДЕЛІНЕ ДЕЙІН

Аңдатпа

Мақалада цифрландыру жағдайында Қазақстан Республикасының сот жүйесін трансформациялау негізделеді. Авторлардың назары екі процесті ажырату мәселесіне бағытталған: а) сот процестерінде цифрлық технологияларды қолдану, б) арнайы институционалдық модель ретінде цифрлық сот төрелігін қалыптастыру. Зерттеу сот ісін технологиялық жаңғыртудан сот қызметін ұйымдастыруды тереңірек қайта құруға көшуді анықтау критерийлерін негіздеу мақсатына бағынады. Ресми-құқықтық, салыстырмалы-құқықтық, институционалдық және жүйелік әдістер, құқықтық модельдеу әдісі негізінде Соттардың қызметін электрондық сүйемелдеу, цифрландырылған сот ісін жүргізу және институционалдық жетілген цифрлық сот төрелігі сияқты цифрлық сот ортасын дамытудың осындай кезеңдерін бөліп көрсетуге мүмкіндік беретін нәтижелерге қол жеткізілді. Тиісінше, цифрлық құралдардың қолжетімділігін, процессуалдық мүмкіндіктердің эквиваленттілігін, ақпараттық жүйелердің үйлесімділігін, сот деректерін қорғауды, қолданылатын тетіктердің ашықтығын, инклюзивтілікті және судьяның шешуші рөлін сақтауды қамтитын критерийлер ұсынылды. Сот жүйесін одан әрі жаңғырту Цифрлық шешімдердің енгізілген технологиялардың ресми саны бойынша емес, Тәуелсіздік, Бәсекелестік және сот қорғауының толықтығы қағидаттарына сәйкестік дәрежесі бойынша бағалануы тиіс деген тұжырым дәлелденеді.

Түйін сөздер: цифрлық сот төрелігі, сот жүйесі, электрондық сот ісін жүргізу, институционалдық трансформация, сот билігі, сот төрелігіне қол жетімділік, цифрландыру.

O.T. Tursunov¹, E.S. Kuandykova², D.A. Tursynkulova¹
¹Al-Farabi Kazakh National University
²NARXOZ University

INSTITUTIONAL PARAMETERS OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF THE JUDICIAL SYSTEM OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: FROM PROCEDURAL DIGITALISATION TO A SYSTEMIC MODEL OF JUSTICE

Abstract

This article substantiates the transformation of the judicial system of the Republic of Kazakhstan in the context of digitalization. The authors' focus is on the problem of distinguishing between two processes: a) the use of digital technologies in court proceedings, b) the formation of digital justice as a special institutional model. The study is aimed at substantiating the criteria for determining the transition from the technological modernization of judicial proceedings to a more profound transformation of the organization of judicial activity. Based on formal-legal, comparative-legal, institutional and systemic methods, as well as the method of legal modelling, results have been achieved that make it possible to identify such stages in the development of the digital judicial environment as electronic support for

court activities, digitalised legal proceedings and institutionally mature digital justice. Accordingly, criteria have been proposed that cover the availability of digital tools, the equivalence of procedural opportunities, the compatibility of information systems, the protection of judicial data, the transparency of the mechanisms used, inclusivity and the preservation of the judge's decisive role. The conclusion is substantiated that further modernization of the judicial system should be assessed based on the degree to which digital solutions comply with the principles of independence, adversarialism, and the completeness of judicial protection, rather than on the formal number of technologies implemented.

Key words: digital justice, judicial system, e-proceedings, institutional transformation, judiciary, access to justice, digitalisation.

Введение

Внедрение информационно-коммуникационных технологий в деятельность органов публичной власти составляет одно из магистральных направлений административной реформы в Республике Казахстан. В данной системе координат судебная власть занимает особое место, поскольку технологическое переоснащение судов затрагивает не только организационные аспекты их работы, но и фундаментальные процессуальные гарантии лиц, участвующих в деле.

Правовое регулирование судоустройства в Казахстане допускает использование электронных средств подачи процессуальных документов, ведение автоматизированного распределения судебных дел, применение систем видео-конференц-связи и электронного оповещения. Эти инструменты закреплены в Конституционном законе Республики Казахстан «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» и подзаконных актах, регламентирующих порядок обращения в суд в электронной форме. Однако наличие технологической инфраструктуры само по себе не свидетельствует о завершении институциональной перестройки судебной системы.

Анализ юридической литературы последних лет акцентирует внимание на переходе от восприятия цифровизации правосудия как совокупности преимущественно технических и организационных средств, направленных на ускорение документооборота, автоматизацию отдельных процедур и сокращение процессуальных издержек, к исследованию её более глубоких институциональных последствий. Важно заметить, что в эпицентре научных баталий находятся вопросы не столько о необходимости или целесообразности внедрения и развития цифровых инструментов, сколько проблемы влияния цифровизации на содержание судебной защиты, характер процессуального взаимодействия участников, реализацию принципов равенства и состязательности, а также фактическую доступность правосудия для различных категорий граждан. Действительно, в современный период простое применение цифровых технологий уже не рассматривается как нейтральная технологическая модернизация, а на самом деле приобретает значение фактора, способного изменять условия реализации правозащитной функции суда. С. Denvir и A.D. Selvarajah доказывают, что само по себе применение цифровых технологий не гарантирует равного доступа к правосудию даже при низкой или высокой цифровой компетентности участника судебного процесса. Формально единый цифровой механизм способен создавать различные фактические условия участия в процессе для профессиональных представителей, лиц, обладающих устойчивыми цифровыми компетенциями, и граждан, не имеющих достаточного опыта использования электронных судебных сервисов. В результате проблема доступа к правосудию приобретает новое измерение, связанное уже не только с территориальными, финансовыми или организационными барьерами, но и с так называемым цифровым неравенством [1, р. 25-68]. Полагаем обоснованной также аналогичную точку зрения J. Loo и M. Findlay, подтверждающее вышеизложенное мнение о том, что перенос судебных процедур в цифровую среду не устраняет существующие процессуальные асимметрии автоматически. Более того, технологически опосредованное судопроизводство в определённых случаях способно воспроизводить и даже усиливать различия между профессионально подготовленными участниками и лицами, не обладающими специальными юридическими знаниями или достаточными цифровыми навыками [2, р. 1-38]. Не стоит недооценивать значение

такого обстоятельства при анализе и оценке институциональной эффективности цифровой трансформации суда, ведь скорость и технологичность судебной процедуры не могут расцениваться в качестве самостоятельных показателей эффективности вне связи с обеспечением реальной возможности каждого участника понимать содержание процессуальных действий, пользоваться предоставленными ему правами и эффективно представлять свою правовую позицию.

Большой интерес для анализа данной проблемы представляют исследования, связанные с вопросами целесообразности и эффективности применения дистанционных форм судебного участия. D.L.F. de Vocht рассматривает удалённое участие в судебном заседании не как исключительно организационный способ упрощения коммуникации между судом и участниками процесса, а как фактор, потенциально влияющий на саму процессуальную динамику. Важно иметь ввиду, что онлайн-взаимосвязь участников судебного процесса имеет слабое место: такой характер судопроизводства может изменять характер непосредственного восприятия показаний и иных доказательств, особенности взаимодействия между судьёй, сторонами и представителями, а также условия практической реализации принципа состязательности [3, р. 33-44]. Следовательно, вопрос о допустимости и эффективности дистанционного участия должен оцениваться не только с позиций экономии времени и ресурсов, но и с точки зрения сохранения процессуальных гарантий, обеспечивающих полноценность судебного разбирательства. В таком контексте важна оценка последствий цифровизации судебной системы при применении цифровых технологий: насколько цифровая среда обеспечивает фактическое равенство участников, сохраняет состязательный характер процесса, не снижает качество восприятия и исследования доказательств и, в конечном счёте, способствует эффективной реализации права на судебную защиту. Именно такой подход позволяет перейти от анализа процедурной цифровизации к исследованию цифровой трансформации правосудия как институционального процесса.

Для правовой системы Центральной Азии показателен опыт Кыргызстана, где, как отмечает А. Маралбаева, эволюция электронного правосудия прошла путь от разрозненных ИКТ-решений к унифицированному portalу, при этом ключевым критерием эффективности признана не технологическая насыщенность, а устойчивость судебных гарантий [4].

В казахстанской юридической литературе цифровая трансформация также осмысливается как фактор институциональных изменений. Исследователи связывают её с преобразованием механизма действия права и государства, включая сферу судопроизводства [5, с. 17-25]. При этом судебный контроль является сущностным атрибутом судебной власти и не может быть низведён до уровня технической операции [6, с. 14-19].

Таким образом, актуальная научная задача состоит в различении двух состояний судебной системы: процедурной цифровизации, при которой электронные инструменты лишь дублируют традиционные формы, и институционально оформленного цифрового правосудия, предполагающего изменение архитектуры судебной деятельности при сохранении её конституционно-правовой сущности.

Цель настоящей работы - определение системообразующих признаков цифрового правосудия и выработка критериев, позволяющих оценить степень зрелости соответствующей модели применительно к Казахстану. В рамках поставленной цели решаются задачи понятийного разграничения, построения уровневой модели, выявления институциональных рисков и обоснования оценочных параметров. Гипотеза исследования исходит из того, что судебная система Казахстана находится в переходной фазе между развитой процедурной цифровизацией и формированием институционально завершённого цифрового правосудия.

Материалы и методы

Составившие нормативную и эмпирическую основу исследования Конституция Республики Казахстан, Конституционный закон Республики Казахстан «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан», Цифровой кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 года № 255-VIII, Закон «О персональных данных и их защите», Концепция цифровой трансформации,

развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023-2029 годы, Концепция развития искусственного интеллекта на 2024-2029 годы, а также специальные правила электронной подачи, регистрации и обработки документов в судах, подзаконные нормативные правовые акты, регулирующие использование электронных средств при обращении в суд, подаче и регистрации процессуальных документов, организации электронного документооборота и иных цифровых форм процессуального взаимодействия, официальные материалы судебных органов подвергнуты анализу в аспекте их влияния на организацию судебной деятельности, доступность судебной защиты, процессуальное положение участников и институциональные формы взаимодействия суда с иными субъектами¹.

Методология исследования данной проблематики подчинена цели осуществить анализ цифровизации судебной системы не столько как технологическую модернизацию судопроизводства, сколько как процесс, непосредственно затрагивающий институциональную организацию судебной власти, содержание процессуальных гарантий и механизмы реализации права на судебную защиту. В соответствии с заявленной целью и задачами исследования методологическая основа имеет комплексный характер, основана на применении общих научных методов, акцентирована на использовании формально-юридического, сравнительно-правового, институционального, системного методов и метода правового моделирования.

Формально-юридический метод был использован при анализе содержания нормативных предписаний, регулирующих электронное судопроизводство, а также для установления юридического значения действий, совершаемых посредством цифровых судебных сервисов. Посредством данного метода определена степень нормативной институционализации электронных форм взаимодействия суда и участников процесса, выявлена специфика применения цифровых инструментов в комплексе с традиционной системой процессуальных гарантий.

Метод компаративистики явился основой сопоставления основных направлений цифровизации судебной системы Казахстана с зарубежными подходами к электронному и дистанционному правосудию. Причем сопоставительный анализ проводился не по принципу механического перечисления используемых технологий, а исходя из их функционального значения для обеспечения доступа к суду, процессуального равенства сторон, состязательности, непосредственности судебного разбирательства и эффективности судебной защиты. Сравнительно-правовой метод, таким образом, позволил выявить как общие тенденции цифровой трансформации правосудия, так и особенности казахстанской модели.

Институциональный метод использовался для исследования цифровизации как фактора изменения сложившихся моделей взаимодействия между всеми субъектами судебного процесса. В таком контексте осуществлен анализ не только технических характеристик цифровых сервисов, но и трансформация способов осуществления судебных функций, распределения организационных и процессуальных действий, каналов коммуникации, а также условий

¹ Конституция Республики Казахстан, принята на республиканском референдуме 15 марта 2026 года // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000>; Об утверждении Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023–2029 годы: постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 года № 269 // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269>; Конституционный закон Республики Казахстан от 25 декабря 2000 года № 132-II «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан»; Об утверждении Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023–2029 годы: постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 года № 269 // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269>; Цифровой кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 года № 255-VIII ЗПК // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000255>; Закон Республики Казахстан от 7 января 2003 года № 370-II «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z030000370_; Закон Республики Казахстан от 21 мая 2013 года № 94-V «О персональных данных и их защите» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094>; Об утверждении Правил технического применения средств подачи документов в суды в форме электронного документа, их регистрации, обработки, ознакомления с ними: приказ Руководителя Департамента по обеспечению деятельности судов при Верховном Суде Республики Казахстан от 9 июня 2018 года № 6001-18-7-6/188 // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800017148> (дата обращения: 21.07.2026).

реализации участниками своих процессуальных прав. Таким образом была решена задача отграничения простого технического обновления отдельных судебных процедур от более глубоких институциональных преобразований судебной системы.

Системный метод использовался для оценки отдельных цифровых инструментов не изолированно, а в единой судебной инфраструктуре, оказывающей взаимное воздействие на доступность, оперативность и качество судебной защиты.

В рамках метода правового моделирования сформулирован авторский подход к оценке степени цифровой трансформации судебной системы Республики Казахстан.

Результаты и обсуждение

В контексте понятийной дифференциации стадий технологического развития судов в научном обороте используется ряд терминов для описания применения информационных технологий в судебной сфере: «информатизация», «цифровизация», «электронное правосудие», «цифровое судопроизводство», «цифровое правосудие». Их смешение приводит к методологической неопределённости при оценке глубины преобразований. Информатизация на начальном этапе сводилась к созданию технической базы: компьютеризации рабочих мест, формированию электронных архивов, автоматизации делопроизводства. Технология выполняла вспомогательную функцию без изменения юридической конструкции процесса.

Электронное правосудие предполагает совершение процессуально значимых действий непосредственно в цифровой среде (подача документов, извещения, дистанционные заседания). Однако и на этом этапе сохраняется преемственность традиционной процедурной логики, которая лишь переводится в иную техническую форму.

В современной доктрине происходит переход к категории «цифровое правосудие», охватывающей не только техническую сторону, но и перестройку организационных и функциональных связей судебной власти [4]. Использование интеллектуальных систем выводит электронное правосудие за рамки простой коммуникации, затрагивая этапы подготовки, систематизации и анализа доказательственной информации [7, р. 394-405].

С учётом изложенного целесообразно разграничивать четыре последовательных состояния технологического развития судебной системы. Во-первых, это информатизация, когда цифровые технологии выполняют преимущественно обеспечительную функцию. Как правило, в обороте используются электронные базы данных, средства учёта, хранения и обработки информации, однако сама логика судебной деятельности остаётся традиционной.

Во-вторых, цифровизация как таковая: процессуальные и организационные действия в онлайн-формате, когда технологии поднимают уровень взаимодействия суда с иными участниками судебного процесса в контексте удобства и повышения скорости взаимодействия. При этом институциональная модель суда остается базовой.

В-третьих, это электронное правосудие с использованием цифровых инструментов как устойчивый способ взаимодействия суда и участников судопроизводства.

В-четвертых, речь идет о цифровом правосудии как институциональной модели, в которой цифровые технологии интегрируются не только в процедуры, но и в организацию судебной власти, механизмы доступа к судебной защите, управление судебной деятельностью и процессуальное взаимодействие. Их применение должно быть подчинено требованиям независимости суда, равенства сторон, состязательности, доступности и эффективности судебной защиты. Действительно, в данном контексте речь идет о влиянии развития цифровизации судебной системы на логику организации судебной деятельности.

Вышеизложенное дает основание для объективной оценки текущего состояния казахстанской модели цифровизации судебной системы. Применение предложенной классификации к судебной системе Республики Казахстан показывает, что в современный период сформирована развитая инфраструктура электронного взаимодействия суда и участников процесса, включающая «Судебный кабинет», автоматизированное распределение дел, аудио- и видеофиксацию заседаний, электронное извещение и дистанционное участие. Оценивая эффективность применяемых инструментов цифровизации, можно сделать вывод о том, цифровизация повысила организационную доступность правосудия, сократила временные и материальные

издержки и сделала электронные процедуры устойчивым элементом судебной деятельности. При этом процесс перехода находится в стадии развития и далека до завершения. Казахские исследователи обосновывают в этом контексте вывод о том, что существенное значение имеет различие между формальной и фактической доступностью судебной защиты. Доступ к правосудию связывается с устранением организационных и процессуальных препятствий. В исследованиях также подчёркивается необходимость оценивать судебные механизмы через их способность обеспечивать реальную защиту прав [8, с. 21-27].

Нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что цифровизация создаёт и новые риски, когда электронные сервисы упрощают участие для пользователей с достаточными цифровыми навыками, но могут становиться дополнительным барьером для лиц с ограниченной цифровой грамотностью или техническими возможностями. Ученые поэтому указывают на необходимость сохранения альтернативных каналов взаимодействия с судом и поддержки цифрово уязвимых пользователей [1, р. 25-68].

Казахстан достиг высокого уровня процедурной цифровизации и сформировал развитые элементы электронного правосудия. Дальнейший переход к цифровому правосудию требует смещения акцента с расширения числа цифровых сервисов на оценку их влияния на доступность суда, процессуальное равенство, качество участия и недопущение цифрового неравенства.

Ж. Лоо и М. Финдлей предупреждают о риске формирования двухуровневой модели, при которой технологически подготовленные участники получают преимущества перед остальными [2, р. 1-38].

Аналогичный подход применим к дистанционному судопроизводству. Снижение издержек, обеспечиваемое видеоконференц-связью, не должно нивелировать качество восприятия доказательств и возможность полноценной коммуникации с судом и стороной защиты. D.L.F. de Vocht обосновывает, что виртуальный формат может сокращать непосредственность взаимодействия и снижать легитимность судебного акта в глазах участников [3, р. 33-44]. Следовательно, критерий эффективности дистанционных процедур не сводится к их количеству, а предполагает оценку способности конкретного формата обеспечить равную степень участия и быть услышанным.

Обобщение доктринальных подходов позволяет выделить три уровня цифровой трансформации судебной системы.

Первый уровень представлен электронным сопровождением судебной деятельности. Технологии выполняют вспомогательную функцию (электронный документооборот, регистрация, фиксация, извещения). Процессуальная конструкция остаётся неизменной.

Второй уровень - цифровизированное судопроизводство. Цифровая среда становится каналом реализации процессуальных прав и обязанностей (электронная подача, дистанционное участие, идентификация, обмен данными). Технологии изменяют практический способ осуществления процесса, но юридическая конструкция сохраняет традиционные черты.

Третий уровень - институционально зрелое цифровое правосудие, которое характеризуется интеграцией цифровой среды в архитектуру судебной деятельности: интероперабельность систем, единые стандарты управления данными, человеко-ориентированные сервисы, автоматизированные средства поддержки, открытость, нормативно закреплённые гарантии инклюзии и сохранение судейского контроля над содержательной стороной решения.

Предлагаемая модель отличается от организационных схем, акцентирующих этапы внедрения ИКТ, тем, что в качестве критерия перехода выступает юридико-институциональная зрелость, измеряемая не фактом появления новых систем, а изменением качества судебной защиты.

Для диагностики перехода судебной системы к третьему уровню предлагаем семь взаимосвязанных критериев.

Цифровая доступность: снижение совокупных издержек обращения в суд и устранение технических и организационных препятствий. Реализуется через понятный интерфейс, доступ к информации о движении дела, техническую устойчивость и адаптированность сервисов для различных категорий пользователей.

Процессуальная эквивалентность означает, что электронная форма не должна сокращать объём процессуальных гарантий. Дистанционное участие допустимо лишь при условии сохранения возможности понимать ход процесса, излагать позицию, консультироваться с

представителем, исследовать доказательства и реагировать на действия другой стороны. Требуется не формальная, а функциональная эквивалентность традиционной форме.

Интероперабельность предполагает безопасный и юридически корректный обмен данными между судебными и иными государственными информационными системами при чётком разграничении компетенции и ответственности. К примеру, опыт Кыргызстана показывает, что фрагментарность платформ становится самостоятельным институциональным препятствием [4].

Безопасность и правовой режим судебных данных требует специальных мер защиты конфиденциальности, целостности, разграничения доступа, фиксации действий пользователей и ответственности за неправомерное вмешательство, учитывая, что судебные системы оперируют персональными и иными охраняемыми сведениями.

Прозрачность цифровых механизмов: при использовании алгоритмических и интеллектуальных инструментов необходимо установление их назначения и пределов применения. Систематизация и поиск информации отличаются от функций, влияющих на принятие юридически значимых решений [7, р. 394-405]. Непрозрачность алгоритма вступает в противоречие с требованием мотивированности судебного акта.

Цифровая инклюзия предполагает, что цифровизация не должна вытеснять традиционные каналы доступа. Многоюрисдикционное исследование показывает, что проектирование цифровых судов должно учитывать положение социально и технологически уязвимых групп [9]. Принцип «цифровой канал по умолчанию» не должен автоматически означать «исключительно цифровой».

Сохранение человеческого контроля во все этом процессе является определяющим. Автоматизация допустима в рутинных операциях (распределение документов, поиск данных, технические уведомления), но оценка доказательств, разрешение конфликта правовых позиций и вынесение решения остаются сферой судебского усмотрения и персональной ответственности. Зрелая модель предполагает, что технология снимает рутинную нагрузку, усиливая возможность осуществления судебной функции.

Таблица 1. Критерии перехода от цифровизации процедур к зрелому цифровому правосудию

Критерий	Цифровизация судебных процедур	Институционально зрелое правосудие	Значение для Республики Казахстан
Цифровая доступность	Наличие электронных сервисов и возможности дистанционного обращения	Возможность полного и понятного цифрового взаимодействия на всех этапах при сохранении альтернативных каналов	Смещение оценки с наличия сервисов на их фактическую доступность для различных групп пользователей
Процессуальная эквивалентность	Перевод отдельных действий в электронную или дистанционную форму	Сохранение равного объёма процессуальных прав независимо от формы участия	Оценка дистанционных процедур через возможность быть услышанным и полноценно участвовать в процессе
Интероперабельность	Использование отдельных информационных систем	Безопасное взаимодействие судебных платформ между собой и с иными государственными информационными системами	Переход от совокупности цифровых сервисов к интегрированной судебной цифровой среде
Безопасность судебных данных	Общие меры информационной защиты	Специальный правовой режим обработки, хранения, передачи и доступа к чувствительным данным	Усиление правовых гарантий конфиденциальности и разграничения доступа

Прозрачность цифровых механизмов	Автоматизация отдельных организационных операций	Возможность установить назначение, пределы и последствия применения алгоритмических инструментов	Нормативное разграничение вспомогательной автоматизации и технологий, способных влиять на юридически значимые решения
Цифровая инклюзия	Предположение о способности пользователя самостоятельно работать с цифровым сервисом	Учёт цифрового неравенства, доступность помощи и сохранение нецифрового канала взаимодействия	Предотвращение появления новых барьеров для уязвимых в контексте цифровой компетенции категорий населения
Человеческий контроль	Использование автоматизации для повышения производительности	Применение цифровых и интеллектуальных систем при сохранении судейского усмотрения, мотивирования и персональной ответственности судьи	Закрепление принципа вспомогательного характера ИИ при осуществлении правосудия

Примечание: составлено авторами по результатам исследования.

Как показывает теория и практика развития моделей цифровой трансформации судебных систем современных государств, зрелость цифрового правосудия не может определяться исключительно уровнем технологического оснащения, количеством электронных сервисов или масштабом автоматизации отдельных процедур. В целом, технологическая развитость сама по себе ещё не свидетельствует о сформированности цифрового правосудия как целостной институциональной модели. Показателен в этом отношении британский опыт развития онлайн-судов, рассматриваемый С. Denvir и A.D. Selvarajah, которые обращают внимание на принципиальное различие между формальной и фактической доступностью цифрового механизма судебной защиты [1, р. 25-68]. Наличие технической возможности подать иск или иное процессуальное обращение через электронную платформу ещё не означает, что гражданин способен эффективно воспользоваться соответствующим механизмом. Реальная доступность предполагает понятность цифровой процедуры, возможность получить необходимую помощь, отсутствие чрезмерных технических требований, сохранение альтернативных каналов взаимодействия и учёт различий в уровне цифровой компетентности пользователей. В этом смысле цифровой формат должен оцениваться не по самому факту его существования, а по тому, обеспечивает ли он участнику сопоставимый уровень процессуальных возможностей по сравнению с традиционной формой обращения в суд. В данном контексте следует отметить, что такая постановка вопроса имеет принципиальное методологическое значение. Он позволяет отказаться от количественного понимания цифровизации, при котором успешность реформы измеряется числом внедрённых платформ, электронных заявлений или дистанционных заседаний, и перейти к качественным критериям оценки. Центральным становится вопрос о том, усиливает ли технологическое решение правозащитную функцию суда, либо, напротив, создаёт новые барьеры, воспроизводит неравенство участников и усложняет использование процессуальных прав для отдельных категорий граждан. Следовательно, в зрелой модели цифрового правосудия технология выступает не самостоятельной целью реформирования судебной системы, а инструментом достижения более фундаментальных юридических целей.

Примеры других стран также подтверждают развитие тенденции, характеризующейся трансформацией самой логики цифровых преобразований: переход от создания отдельных технологических решений к задаче их согласования в рамках единой институциональной архитектуры [4]. При этом актуализируется проблема институциональной интеграции цифровых инструментов, направленной на согласование различных цифровых сервисов между собой, определение их места в системе процессуальных гарантий, устранение возможного дублирова-

ния, формирование единых требований к качеству и безопасности цифрового взаимодействия, а также оценку их совокупного воздействия на реализацию права на судебную защиту.

Верным представляется путь к переходу к системной модели цифрового правосудия не столько за счет простого наращивания технологического инструментария, сколько за счёт включения технологий в целостную нормативную и институциональную конструкцию судебной власти, в которой каждое цифровое решение оценивается с точки зрения его соответствия принципам справедливого разбирательства, независимости суда, процессуального равенства и доступности судебной защиты.

Исследования зарубежных ученых подтверждают, что системы, ориентированные преимущественно на административную эффективность, способны воспроизводить социальное неравенство, что обуславливает переход к человекоцентричному проектированию цифровых судов [9]. Европейские документы CEPEJ также рассматривают цифровизацию как средство повышения эффективности, но с обязательным учётом рисков для независимости и состязательности¹. Первый отчёт CEPEJ об использовании ИИ выявил 125 инструментов, при этом подчёркнуто, что они требуют человеческого контроля². Участие Казахстана в работе CEPEJ (март 2025 г.) свидетельствует о включённости в международную повестку³.

Таким образом, перспективная модель для Казахстана должна сочетать три элемента: развитую инфраструктуру, гарантированный доступ и юридически определённые пределы автоматизации. Предложенные критерии позволяют использовать международный опыт не как набор решений, а как систему ориентиров для оценки институциональной зрелости.

Институциональное измерение цифровой реформы

Предложенные критерии меняют способ оценки судебной цифровизации. В технологической парадигме измеряются число услуг, доля электронных документов, скорость обработки. В институциональной парадигме оценивается, стало ли проще реализовать право на судебную защиту, уменьшились ли процессуальные барьеры, сохранено ли равенство сторон, защищены ли данные, понимает ли участник значение цифровой процедуры, сохраняет ли судья контроль за содержанием решения.

Развитая казахстанская инфраструктура свидетельствует о прохождении первого уровня и освоении значительной части второго. Основная задача следующего этапа - не механическое расширение сервисов, а обеспечение институциональной связанности цифровых решений. Как отмечают Г.Т. Байсалова и Г.А. Жетписбаев, цифровизация выступает фактором преобразования правовых институтов [5, с. 17-25]. Однако преобразование должно осуществляться путём подчинения технологической архитектуры конституционно-правовым требованиям правосудия, а не адаптации процедуры к возможностям автоматизации.

Отсюда следует принцип: не судебная процедура конструируется исходя из того, что технически возможно автоматизировать, а цифровое решение проектируется исходя из юридических гарантий, которые обязана обеспечивать судебная процедура. Переход от технологической логики к правовой и составляет суть формирования цифрового правосудия.

Заключение

На основе проведённого исследования сформулированы следующие положения.

Цифровизация судебных процедур и цифровое правосудие не являются тождественными категориями. Цифровизация означает перевод отдельных процессуальных и организационных действий в электронную среду: подачу документов, извещение участников, автоматизированное

¹ European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). *CEPEJ Tools on Cyberjustice and Artificial Intelligence*. Council of Europe.

² European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). *1st Report on the Use of Artificial Intelligence (AI) in the Judiciary*. 2025.

³ European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). *12th Meeting of the CEPEJ Working Group on Cyberjustice and Artificial Intelligence*. Strasbourg, 27–28 March 2025.

распределение дел, аудио- и видеофиксацию, дистанционное участие. Цифровое правосудие имеет более широкое содержание и представляет собой институциональную модель, в которой технологии интегрированы в организацию судебной власти и подчинены требованиям доступности судебной защиты, процессуального равенства, состязательности и независимости суда. Для оценки степени такой трансформации данное исследование обосновывает трёхуровневую модель институциональной зрелости цифрового правосудия – цифровизированное судопроизводство, - институционально зрелое цифровое правосудие.

Переход к третьему уровню предлагается оценивать по семи критериям: цифровой доступности, процессуальной эквивалентности, интероперабельности, безопасности судебных данных, прозрачности цифровых механизмов, цифровой инклюзии и сохранению человеческого контроля. Цифровая доступность предполагает реальную возможность различных категорий граждан использовать электронные механизмы судебной защиты. Процессуальная эквивалентность требует сохранения сопоставимого объёма процессуальных прав в цифровой и традиционной формах участия. Интероперабельность означает совместимость судебных и иных государственных информационных систем. Безопасность данных связана с защитой процессуальной и персональной информации, прозрачность - с понятностью порядка и последствий применения цифровых инструментов, а цифровая инклюзия - с недопущением ограничения доступа к суду для лиц, испытывающих трудности при использовании электронных сервисов.

Особое значение имеет критерий человеческого контроля. Автоматизация допустима при выполнении вспомогательных задач: поиске и систематизации информации, обработке судебных данных, документообороте и иных технических операциях. Однако оценка доказательств, толкование и применение права, а также принятие итогового судебного решения должны оставаться в сфере персональной ответственности судьи.

Применение предложенной модели к Казахстану показывает наличие значительной инфраструктурной основы цифрового правосудия. Электронные сервисы уже охватывают обращение в суд, движение дела, коммуникацию с участниками, фиксацию судебных заседаний и дистанционное участие. Вместе с тем дальнейшее развитие требует смещения акцента с расширения числа цифровых сервисов на институциональную связанность цифровой судебной среды, обеспечение процессуальной эквивалентности, преодоление цифрового неравенства, защиту судебных данных и нормативное определение пределов автоматизации. Оценка доказательств, толкование права и вынесение решения остаются сферой судейского усмотрения и персональной ответственности.

Перспективное направление развития: переход от модели электронного суда, ориентированной на технологизацию операций, к человекоцентричной модели цифрового правосудия, где технологии служат средством повышения доступности, справедливости и эффективности судебной защиты. Качественным показателем становится не вытеснение традиционных процедур, а достижение институционального состояния, при котором цифровая среда усиливает гарантии правосудия и не создаёт новых форм процессуального и цифрового неравенства.

Вклад авторов

Турсунов О.Т. разработал концепцию исследования и провёл анализ цифровизации судебной системы.

Куандыкова Э.С. исследовала институциональные аспекты цифрового правосудия и участвовала в обобщении результатов исследования.

Турсынкулова Д.А. осуществила теоретико-правовой и сравнительный анализ, участвовала в формулировании выводов.

Список использованной литературы:

1. Denvir C., Selvarajah A.D. *Safeguarding Access to Justice in the Age of the Online Court* // *The Modern Law Review*. - 2022. - Vol. 85. - No. 1. - P. 25-68. - DOI: 10.1111/1468-2230.12670.
2. Loo J., Findlay M. *Digitised Justice: The New Two Tiers?* // *Criminal Law Forum*. - 2022. - Vol. 33. - No. 1. - P. 1-38. - DOI: 10.1007/s10609-022-09431-x.

3. de Vocht D.L.F. *Trials by Video Link after the Pandemic: The Pros and Cons of the Expansion of Virtual Justice* // *China-EU Law Journal*. - 2022. - Vol. 8. - No. 1-2. - P. 33-44. - DOI: 10.1007/s12689-022-00095-9.

4. Maralbaeva A. *Evolution of e-Justice Platforms: from ICT in Courts Towards 'Digital Justice' Portal in Kyrgyzstan* // *International Journal for Court Administration*. - 2024. - Vol. 15. - No. 1. - Article 6. - DOI: 10.36745/ijca.582.

5. Байсалова Г.Т., Жетписбаев Г.А. *Казахстанская модель цифровизации: трансформация правовых институтов* // *Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Юриспруденция*. - 2024. - Т. 78. - № 4. - С. 17-25. - DOI: 10.51889/2959-6181.2024.78.4.002.

6. Адам Е., Тайторина Б.А. *Концептуализация судебного контроля как функции судебной власти* // *Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Юриспруденция*. - 2022. - № 1(67). - С. 14-19.

7. Laptev V.A., Feyzrakhmanova D.R. *Application of Artificial Intelligence in Justice: Current Trends and Future Prospects* // *Human-Centric Intelligent Systems*. - 2024. - Vol. 4. - P. 394-405. - DOI: 10.1007/s44230-024-00074-2.

8. Белхожаева Д.Ж., Бурибаев Е.А., Хамзина Ж.А. *Доступ к правосудию: актуальные проблемы индивидуальных трудовых споров* // *Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Юриспруденция*. - 2023. - Т. 71. - № 1. - С. 21-27. - DOI: 10.51889/1810-8636.2023.1.71.003.

9. de Souza S.P., Aithala V., Mignaquy F., Muendo M., Nadkarni A. *Centring Marginalisation in the Development of Digital Courts: Reflections from Argentina, India, Kenya, and Malaysia* // *Indian Journal of Law and Technology*. - 2024. - Vol. 20. - No. 1. - Article 3. - DOI: 10.55496/IYOK7612.

References:

1. Denvir C., Selvarajah A.D. *Safeguarding Access to Justice in the Age of the Online Court* // *The Modern Law Review*. - 2022. - Vol. 85. - No. 1. - P. 25-68. - DOI: 10.1111/1468-2230.12670.

2. Loo J., Findlay M. *Digitised Justice: The New Two Tiers?* // *Criminal Law Forum*. - 2022. - Vol. 33. - No. 1. - P. 1-38. - DOI: 10.1007/s10609-022-09431-x.

3. de Vocht D.L.F. *Trials by Video Link after the Pandemic: The Pros and Cons of the Expansion of Virtual Justice* // *China-EU Law Journal*. - 2022. - Vol. 8. - No. 1-2. - P. 33-44. - DOI: 10.1007/s12689-022-00095-9.

4. Maralbaeva A. *Evolution of e-Justice Platforms: from ICT in Courts Towards 'Digital Justice' Portal in Kyrgyzstan* // *International Journal for Court Administration*. - 2024. - Vol. 15. - No. 1. - Article 6. - DOI: 10.36745/ijca.582.

5. Bajsalova G.T., Zhetpisbaev G.A. *Kazahstanskaja model' cifrovizacii: transformacija pravovyh institutov* // *Vestnik KazNPU imeni Abaja. Serija: Jurisprudencija*. - 2024. - Т. 78. - № 4. - С. 17-25. - DOI: 10.51889/2959-6181.2024.78.4.002.

6. Adam E., Tajtorina B.A. *Konceptualizacija sudebnogo kontrolja kak funkcii sudebnoj vlasti* // *Vestnik KazNPU imeni Abaja. Serija: Jurisprudencija*. - 2022. - № 1(67). - С. 14-19.

7. Laptev V.A., Feyzrakhmanova D.R. *Application of Artificial Intelligence in Justice: Current Trends and Future Prospects* // *Human-Centric Intelligent Systems*. - 2024. - Vol. 4. - P. 394-405. - DOI: 10.1007/s44230-024-00074-2.

8. Belhozhaeva D.Zh., Buribaev E.A., Hamzina Zh.A. *Dostup k pravosudiju: aktual'nye problemy individual'nyh trudovyh sporov* // *Vestnik KazNPU imeni Abaja. Serija: Jurisprudencija*. - 2023. - Т. 71. - № 1. - С. 21-27. - DOI: 10.51889/1810-8636.2023.1.71.003.

9. de Souza S.P., Aithala V., Mignaquy F., Muendo M., Nadkarni A. *Centring Marginalisation in the Development of Digital Courts: Reflections from Argentina, India, Kenya, and Malaysia* // *Indian Journal of Law and Technology*. - 2024. - Vol. 20. - No. 1. - Article 3. - DOI: 10.55496/IYOK7612.